

Л. Л. САВИЦКИЙ

*(Отдел палеолита Института истории
материальной культуры ПАН)*

Я полагал, что знаю стоянку Костенки на Дону по публикациям, но когда, благодаря А. Н. Рогачеву, познакомился с Костенками на месте, оказалось, что я Костенок не знаю. Костенки представляются мне теперь в виде очень сложной разносторонней проблемы, решение которой очень важно для первобытной археологии и требует систематических, методологически хорошо поставленных исследований.

Сделано много. Благодаря проведенным исследованиям в Костенковском районе мы теперь знаем, где и как искать ответа на геоморфологические, стратиграфические и хронологические вопросы, связанные с костенковским палеолитом.

Мое впечатление от Костенок — это впечатление человека со свежим взглядом. Что же я там наблюдал, вернее, чего я там не наблюдал? На костенковском отрезке правого берега прадолины Дона я не наблюдал:

- 1) «второй и первой надпойменных террас» пра-Дона;
- 2) «второй надпойменной террасы», как обособленного геоморфологического горизонта прадолины Дона;
- 3) достоверных оснований для увязки стоянок, находящихся в глубине логов со «второй надпойменной террасой» прадолины Дона;
- 4) генетического и хронологического различия между «лессовидными суглинками» «второй террасы» и «лессовидными суглинками» первой террасы;
- 5) ископаемой почвы *in situ* в профилях костенковских стоянок;
- 6) основ для генетической и хронологической увязки первой надпойменной террасы правого берега прадолины Дона с первой надпойменной террасой пра-Дона левого берега;
- 7) основ для увязки мадлена — азиля с первой надпойменной террасой правого берега прадолины Дона.

Что можно сказать о территории костенковских стоянок? Это открытый, сложный вопрос. В опубликованных описаниях и профилях правый берег прадолины Дона в Костенках представлен как ступенчатый склон, в котором выделяют три надпойменные террасы следующих высот над уровнем Дона: 35—40 м (III), 15—20 м или 15—25 м (II) и 8—10 м или 8—12 м и даже 5—6 м (I) при высоте поймы 4—6 м. В Костенках я не наблюдал ступени второй террасы, но не доверяя своим наблюдениям, на основании гипсометрических планов при увязке с ними стоянок (Костенки I, IV, XII, XIV Стрелецкая I и II, Тельмановская), нарисовал в одинаковом горизонтальном и вертикальном масштабе (1 : 1000) профили склонов логов и берега прадолины Дона.

Эти профили не показали существования ступени «второй террасы». Разумеется, это еще не довод, что этой террасы нет, но ее существование необходимо доказать наличием пункта стыка первой террасы со второй, представляющей эрозийный врез отложений первой террасы во вторую.

Многие из затронутых здесь вопросов стали бы неактуальными, если бы совместно с исследованиями в районе Рудкино — Костенки — Боршево производились бы детальные геологические, стратиграфические и геоморфологические исследования на левом берегу этого отрезка прадолины Дона, в результате которых был бы получен геолого-морфологический разрез. Отсутствие такого разреза очень усложняет правильную интерпретацию исследований, проводимых в костенковском районе, которые имеют характер обособленных исследований.

Существует еще мнение, что палеоботанический критерий решает все стратиграфические вопросы четвертичной геологии. Есть и другое мнение, что это очень важный, но вспомогательный критерий. Палеоботанические профили не являются полными и представляют одну или две климатические фазы (если не считать переходных фаз): либо субарктическую, либо оптимальную, а если две, то оптимальную с субарктической внизу или сверху. И поэтому подразделения: интергляциал и интерстадиал, а также их датировка — условны, если эти определения опираются только лишь на палеоботанические данные, а не рассматриваются в совокупности с геологическими и геоморфологическими критериями.

Вопрос отношения равнинного оледенения к оледенению альпийскому — это вопрос особый и открытый не только потому, что до сих пор нигде не обнаружено, какое равнинное оледенение отвечает тому или иному альпийскому оледенению по схеме подразделения этого оледенения, данной А. Пенком и Э. Брюкнером. Подразделение это, между прочим, имеет в настоящее время лишь историческое значение, так как уже давно совершается его перестройка. Это не мешает некоторым исследователям сравнивать равнинные оледенения с альпийскими; не мешает им также и то, что не установлено точное количество оледенений европейской низменности, а также и то, что границы распространения выделенных оледенений не увязаны друг с другом даже на смежных территориях.

Особого внимания требует вопрос геологической датировки палеолита. Для верхнего палеолита решение его во многом зависит от выяснения возраста лессов, с которыми на открытых территориях чаще всего связаны стоянки. Согласно результатам моих исследований верхнеориньякские стоянки приурочены к первому (снизу) молодому лессу. Это вызывает сомнения в правильности названия интерстадиала, разделяющего ледниковые периоды с обоими молодыми лессами, «ориньякским» интерстадиалом.

Все эти вопросы и понятия, которыми мы оперируем в своих сводных сопоставлениях, требуют уточнения в результате хорошо проведенных исследовательских полевых и камеральных работ.

В соответствии с названием настоящего совещания, которое определяет его задачу, мой доклад в сжатой форме представлял принятые и применяемые мною принципы исследований открытых палеолитических стоянок и их кремневого инвентаря. По моему мнению, исследования, опирающиеся на эти принципы, обеспечивают получение тщательно документированной геологической стратиграфии палеолита (которая является основой его датировки) и уточнение критериев его культурного подразделения. Несомненно, организаторы совещания ставили своей задачей улучшить основы стратиграфии и культурной периодизации палеолита. К сожалению, большинство докладов не вполне отвечало этой задаче. Среди них были очень интересные, но они имели характер нормальных отчетов с суммарной оценкой результатов проведенных исследований палеолитических стоянок. Доклады и дискуссия показали различные позиции авторов, схематизм интерпретации геологических условий стоянок и их кремневого инвентаря и, что самое главное, показали отсутствие общего генерального плана исследований палеолитических стоянок. Это должен быть план последовательно проводимых исследований с учетом географического фактора и разного типа стоянок, план, направленный на решение проблемы геохронологии и культурной периодизации нижнего и верхнего палеолита. Множество известных и уже исследованных в СССР стоянок дает достаточную основу для составления такого плана. Я очень рад, что я не одинок в своем понимании необходимости принятия за основу полевых и камеральных исследований палеолита, детально проработанного плана этих исследований. На необходимость составления такого плана указал также Г. И. Горецкий в своем очень интересном и ценном докладе, в котором привел даже подробную программу реализации этого плана. С мотивами, которыми руководствовался автор этого доклада, и с его тезисами я вполне согласен.

Стоянки разного типа, разного возраста выступают в различных условиях; их культурный инвентарь находится *in situ* или во вторичном залежании; исследователи, которые производят работы на стоянках, обладают неодинаковым опытом, применяют различные методы, иногда практически не знают особенностей стоянок, находящихся вне их географической района. Все это указывает на необходимость проведения взаимных кон-

зультатов руководителей исследовательских работ на стоянках во время этих работ. Продвижение вперед науки о палеолите зависит не от количества раскопанных стоянок, но от накопления хорошо изученных и надежным образом документированных фактов, что должно быть результатом детальных исследований каждой стоянки. Это является основной задачей геологов и археологов, занимающихся изучением палеолитических стоянок.

Ход дискуссии показывает мне, что необходимо уточнить содержание и понимание некоторых терминов и обозначений.

Я начну с термина лесс. Если лесс является слоистым, то это для некоторых исследователей уже не лесс — это «лессовидный суглинок». Но те, которые оперируют этим термином и противопоставляют «лессовидный суглинок» настоящему неслоистому лессу, не оправдывают этого противопоставления доказательством различного генезиса и, возможно, различной хронологии «лессовидного суглинка» и лесса. Такое упрощенное понимание лесса усложняет выяснение вопроса о происхождении лесса, а в исследованиях палеолитических лессовых стоянок, связанных с горизонтом «лессовидного суглинка», добавочно усложняет их датировку.

Мне кажется, уже пора покончить с неправильным представлением о том, что лесс — это обязательно неслоистая порода. Полный профиль лесса, представляющий результат многотысячелетнего процесса субаэральной аккумуляции лессового пелита, не может быть однородным. Лесс такого профиля отличается от типичного лесса стратиграфией, отражающей не только сезонные смягчения климата, но и более глубокие, стадийные его колебания, во время которых накопление лесса целиком или почти прекращалось; на поверхности, а также в верхнем горизонте лесса происходили разного рода мерзлотные явления, свойственные перигляциальной зоне. Разновидности лесса — это его фации. Их образование связано с локальными условиями: положением и конфигурацией поверхности места накопления лесса, направлением и градусом ее уклона, колебаниями в интенсивности осаждения лессового пелита и меняющейся в связи с этим густотой растительного покрова. В таком профиле типичный неслоистый лесс является только одним из стратиграфических горизонтов.

Термин «аллювиальный лесс» в смысле слоистой фации субаэрального лесса неправилен. Употребление этого термина является источником серьезных недоразумений и ошибочных выводов, так как такого лесса нет. Есть «лессовый аллювий», но это что-то другое — это нормальный речной аллювий, с преобладающим содержанием переотложенного лессового материала. Классическим примером «лессового аллювия» являются отложения высоких пойменных террас в продолинах, высокие берега и дно которых покрыты плащом лесса, образующим лессовую надпойменную террасу. С «лессовым аллювием» нельзя также смешивать выступающие часто в лессовых сериях слоистые горизонты. В зависимости от типа прослоек и характера наслоения, а частично также от стратиграфического положения слоистого горизонта, это либо нормальный лессовый делювий — результат поверхностных смывов лесса, либо солифлюкционный делювий — результат языкообразного сползания, сезонного, поверхностно отмерзающего лесса.

Следующий вопрос об ископаемых почвах в лессах, очень важный для геологической стратиграфии и датировки палеолитических лессовых стоянок. Вопрос довольно сложный, потому что не всегда имеются полные почвенные профили, а только их части, например, иллювиальный горизонт или его остатки. Эрозия почв — это результат действия разных факторов: поверхностных смывов, солифлюкции, дефляции. Продуктом их является почвенный делювий в виде прослоек и слои, напоминающие

иногда, как это имеет место в профилях некоторых костенковских палеолитических стоянок «второй надпойменной террасы», перегонный горизонт *in situ*. Гумусовые прослойки, выступающие в профилях упомянутых стоянок, содержат в разном количестве снесенные со склонов плато мелкие обломки мела, меловой гравий и кварцевый песок.

Этот факт, а также характер гумусовых прослоек и отсутствие в подстилающем их «лессовидном суглинке» аллювиального горизонта — достаточное доказательство того, что это почвенный делювий. Когда я был в Костенках, то задал себе вопрос: откуда взялись эти гумусовые прослойки? Мне кажется, что ответ на этот вопрос дал мне шурф, выкопанный по моим указаниям в верхушке правого ответвления Аносового лога, в пункте, который возвышался над зеркалом Дона (83,5 м абс.) на 75 м, и около 65 м над «второй надпойменной террасой» в пункте стоянки Костенки I. Лесс, начиная сверху, состоит из: 1) современной дерновой почвы (0,30); 2) позднеголоценового, лессовидного белесоватого делювия (0,75) с включениями единичных окатанных обломков мела и зерен мелового гравия; 3) бурой черноземной голоценовой почвы (1,20), очень компактной, со старыми кротовинами, которые выполняет не материал покрывающего ее делювия, а темный черноземный материал поверхностного слоя этой почвы, снесенного позднейшей склоновой эрозией; слой почвы падает согласно со склоном поверхности ответвления лога (13°) под углом 15°; 4) лессовидного делювия со слоями, содержащими значительную примесь преимущественно мелового материала; 5) слоя ископаемого чернозема (1 м), поверхность которого эродирована, угол падения составляет 17°; 6) лессовидного делювия, содержащего в большом количестве примесь мелового материала разной величины, неравномерно рассеянного, в виде прослоек и нерегулярных, грубых включений, падение слоев сходное — от 17 до 20°; 7) иллювиального горизонта — компактной бурого цвета лессовидной глинистой породы без следов слоистости, имеющей характер лесса, измененного почвенными процессами (вмывания); местами в ней выступают гнезда мелового материала, местами единичные мелкие обломки (до 2,5 см) эрратических валунов (гранит, пегматит, жильный кварц, кварцевый конгломерат). Вместе с этим эрратическим материалом был найден мелкий обломок кальцинированной микролитической пластинки — ее нижняя часть с брюшком (*copé de percussion*). Порода до низу не была вскрыта: шурф был доведен только до глубины 9,5 м от поверхности склона.

На территории костенковских стоянок наблюдается значительная интенсивность делювиального процесса, результатом которого явился мощный покров склонов и дна логов «лессовидным суглинком», а частично также образование первой и «второй» надпойменных террас на этом участке прадолины Дона. Но это не все. Выяснения требует основной вопрос: какое происхождение имеет пелитовый материал «лессовидных суглинков», а вместе с тем — каково отношение «лессовидного суглинка» к лессу? Это делювиальная фация первичного лесса или перетолженный лесс, являющийся «постлессовой» породой? При любом ответе на эти вопросы останется открытым еще вопрос о стратиграфическом положении горизонта лесса, из пелитового материала которого сложен «лессовидный суглинок». Первый или второй этот лесс (считая снизу)? Эти вопросы и много других вопросов геологической и археологической стратиграфии указывают на необходимость пополнения добавочными глубокими шурфами профиля костенковских стоянок. В виде принципа должно быть принято, что графическое представление пород на профиле не может быть дано с превышенным вертикальным масштабом. Профиль — это важный документ, дополняющий описание и характеристику открытых в обнажениях и шурфах пород.

Мы работаем в области одних и тех же вопросов и в своей исследовательской работе стремимся к наиболее точному и всестороннему их выяснению. Достижение этого требует от нас критицизма, остроты и тщательности наблюдений, а также умения связывать различные факты в причинные звенья. Это те условия, от которых зависит правильность наших определений и основанных на них выводов, а следовательно, и ценность результатов наших полевых и камеральных исследований.

Особого внимания заслуживает методическая сторона изучения палеолита. Этому следует посвятить специальное рабочее совещание. Его целью должно быть: 1) установление директив поэтапного, многолетнего плана исследований палеолитических стоянок, охватывающего ограниченную сферу наиболее важных, локальных хронологических и культурных вопросов палеолита, составленного на основании оценки результатов предыдущих исследований этих стоянок; 2) установление основных указаний относительно метода исследований палеолитических стоянок; 3) установление критериев классификации палеолитических материалов и оценки культурных комплексов, характеризующих культурное содержание стоянки; 4) установление критериев локального культурного и хронологического деления палеолита; 5) установление правил картографического представления выделенных стратиграфических культурно-хронологических горизонтов нижнего и верхнего палеолита.

Участие в настоящем совещании было для меня очень ценным. Я ознакомился с богатым и интересным содержанием представленных докладов и дискуссией, которую они вызвали. Оно было для меня также полезным и потому, что явилось поводом для личного знакомства со многими советскими коллегами, и установления с ними непосредственной научной связи. Доклады и горячие дискуссии на совещании являются доказательством того, как много еще существует открытых и спорных вопросов, равно как у нас, так и на других территориях развития европейского палеолита. Наши территории, представляющие для человека различных периодов палеолита единую территорию заселения, содержат много проблем, выяснение которых требует взаимного научно-исследовательского сотрудничества. Будучи горячим сторонником такого сотрудничества, я не сомневаюсь, что оно приведет к серьезным научным достижениям, которые будут иметь не только локальное значение.

В заключение мне хочется сердечно поблагодарить организаторов совещания за приглашение принять участие в его работе. Оно является началом совместного конкретного сотрудничества в изучении проблемы палеолита наших стран. Такое сотрудничество очень нужно, и мы будем рады его успехам, его результатам.